

ПРАВОВАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ПРАВОВАЯ ТРАДИЦИЯ В ПЕРЕХОДНУЮ ЭПОХУ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС

Истамгалин Р.С.¹, Исева Э.Р.¹

¹ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный университет экономики и сервиса», Уфа, Россия (450078, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Чернышевского, 145), e-mail: filosofiya80@mail.ru

В статье анализируется проблема правовой преемственности и правовой традиции в условиях посткоммунистического транзита европейских и российского обществ конца XX – начала XXI вв. Рассматривается интерпретация российской правовой традиции, предложенная А.Н. Медушевским, и делается вывод о возможности её дополнения в социокультурном дискурсе, что позволит предложить иную трактовку устойчивости присутствия в ней правового дуализма. Аргументируется с опорой на теорию традиции Э. Шилза положение о том, что корни воспроизводства правового дуализма в российской правовой традиции связаны с историческими условиями её формирования в досоветский период, в результате которого центральная для обычного права категория справедливости стала выражать экзистенциальную сущность российского правосознания и обрела трансцендентный смысл, выполняя функции одной из базовых несущих конструкций всей ценностной системы российской цивилизации.

Ключевые слова: переходность, правовая преемственность, правовая традиция, посткоммунистический транзит, российский правовой дуализм, традиция, ценностное ядро культуры.

LEGAL CONTINUITY AND LEGAL TRADITION IN THE TRANSITION ERA: A SOCIO-CULTURAL DISCOURSE

Istamgalin R.S.¹, Iseva E.R.¹

¹ State Educational Institution of Higher Professional Education «Ufa State University of Economics and Service», 450078, Russia, Bashkortostan, Ufa, 145 Chernyushevskii st., e-mail: filosofiya80@mail.ru

The problem of legal continuity in law tradition in the conditions of post – Communist transit of European and the Russian societies at the end of XX – beginning XXI centuries has been analyzed in the scientific article. The interpretation of the Russian law tradition, proposed by A.N. Medushevsky has been considered and the conclusion concerning supplementing it in socio-cultural discourse has been made. It allows to suggest another interpretation of the steadiness of presence of law dualism in it. With the support of the theory of tradition by E. Shils, the authors argue that the roots of reproduction of law dualism in the Russian law tradition are connected with the historic conditions of its forming during the pre-Soviet period, as a result of which central for common law category of justice began to express existential essence of the Russian sense of justice and got transcendent sense, fulfilling the function of one of the basic bearing patterns of the whole value system of the Russian civilization.

Keywords: transitivity, law continuity, law tradition, post-Communist transit, Russian law dualism, tradition, value nucleus of culture.

Информационно-технологическая революция последних десятилетий XX в. и неразрывно связанная с ней глобализация, оказывающие всё возрастающее влияние практически на все регионы и страны мира и вызывающие в них глубокие общественные трансформации, выдвинули на одно из первых мест в проблематике, обсуждаемой современной социальной наукой, переходность и переходные процессы как особые состояния социальных систем. Популярная особенно в 1970-1980-е гг. интерпретация начавшихся в ряде развитых стран Запада качественных изменений как перехода всей мировой цивилизации на новую – постиндустриальную – стадию развития, хотя в

последующие годы и подверглась критическим переоценкам, но продолжает в значительной мере сохранять свой парадигмальный характер.

В то же время крайнее разнообразие реакций на происходящие глобальные изменения со стороны даже тех обществ, которые принято было классифицировать в границах одного цивилизационного пространства, актуализировало для социальной науки ещё одну традиционную для неё проблему: роль культуры в общественной эволюции. Вновь подтвердилось, как афористично выразился С. Хантингтон, что «культуры следует принимать в расчёт». Весь вопрос, однако, заключался в том, каким образом это следует делать. Поэтому вряд ли можно относить к случайности, что именно в 1980-е гг. в различных областях гуманитарного знания кристаллизовался новый исследовательский тренд – так называемый культурный поворот (*cultural turn*). В его рамках были предприняты активные усилия посредством реинтерпретации прежних и создания новых концепций культуры и методов её изучения заново оценить прошлое, объяснить настоящее и в известной мере определить возможные траектории будущего.

Распространение среди учёных разных специальностей представлений о том, что культура обладает собственной каузальной смыслообразующей силой, проявляющей себя через социальную активность индивидов и их сообществ (*human agencies*), заставило вновь обратить пристальное внимание на феномен традиции, способность последней выполнять функции универсального механизма передачи социокультурного опыта, «обеспечивающего устойчивую историко-генетическую преемственность в социокультурных процессах». Именно в транслировании традицией неких устойчивых смыслов, обладающих ценностным содержанием и в силу этого оказывающих определяющее влияние на социальную деятельность как в относительно устойчивых состояниях общества, так и, что принципиально важно для современности, в условиях кардинальных социальных трансформаций, стали искать одно из ключевых объяснений метаморфоз, возникающих в переходные эпохи истории.

Среди многочисленных аспектов преемственности, приобретающих повышенную значимость в такие эпохи, существенное место занимает правовая преемственность. Расхождения и противоречия в правовой системе общества, способные возникнуть в том случае, когда правовые новшества расходятся со сложившейся правовой традицией (например, в случае механических заимствований из иных национальных правовых систем), как правило, провоцируют массовое распространение неправовых методов разрешения происходящих в обществе конфликтов, ускоряют общественную дезинтеграцию.

Возникновение подобных ситуаций особенно вероятно в тех случаях, когда в ходе переходных процессов происходят кардинальные изменения всей общественной системы,

как это в современном мире происходило в ряде т.н. посткоммунистических стран Восточной и Центральной Европы, а также в России и других государствах, образовавшихся после распада СССР. Как отмечается в научной литературе, трудности, выявившиеся в ходе посткоммунистического транзита этих стран, в значительной мере были связаны со сложностями преобразования правовых систем, адаптации правовых новшеств, заимствованных из западноевропейского опыта, к правовым традициям как докоммунистической, так и коммунистической эпохи.

Правовые традиции, исторически возникшие на этих предыдущих и достаточно длительных этапах развития общества, имели существенные особенности, а предпринятые на протяжении 1990-х гг. реформы были ориентированы главным образом на адаптацию к национальным условиям правовых институтов западноевропейского образца. Предполагалось, что в результате реформ в России сформируется полноценная правовая система континентального (романо-германского) типа.

В российской - как дореволюционной, так и современной юридической - науке вопросы правовой преемственности и роли в её реализации правовой традиции преимущественно изучались в формальном аспекте – как практическая реализация внутренней взаимосвязи между различными этапами в развитии права: обычное право, позитивное право, внутренняя эволюция позитивного права. В более широком плане правовая преемственность как внутренняя закономерность развития права, отражающая общие закономерности общественной эволюции, затрагивалась, хотя достаточно фрагментарно, обычно в работах по философии права.

В настоящей статье обращается внимание на потенциал использования социокультурного дискурса при исследовании российской правовой преемственности и российской правовой традиции как частных проявлений феномена традиции.

Ученые о правовой традиции и правовой преемственности

В современном российском правоведении оригинальная разработка вопросов правовой преемственности и правовой традиции была предложена сторонником применения когнитивного метода изучения права А.Н. Медушевским. Согласно его интерпретации, исторически российская правовая традиция прошла пять этапов формирования и развития: господство обычного права (Киевская Русь); унификация и кодификация обычного права (централизованное Московское государство); приоритет рационализованного права над обычным (период Российской империи); приоритет светской идеологии над позитивным правом (СССР) и закрепление преобладания международного гуманитарного права над российским (современная Россия). В ходе исторического развития определилась основная особенность российской правовой традиции – устойчивый правовой дуализм (параллельное

существование рациональной системы позитивных правовых норм и сферы неписаного крестьянского, то есть обычного, права). В обобщённом виде А.Н. Медушевский определил специфику российской правовой традиции как «пограничный вариант континентальной правовой семьи – модель традиционного обычного права, радикально преобразованная модернизацией Нового времени. Модель, вынужденная постоянно преодолевать феномен правового дуализма и до настоящего времени находящаяся в процессе догоняющего развития».

Таким образом, в интерпретации А.Н. Медушевского на современном этапе развития российской правовой системы правовая преемственность реализовалась в рамках прежней традиции, поскольку де-факто в стране была вновь воспроизведена дуалистическая правовая система. Устойчивость традиции в современных условиях, когда ушли в прошлое многие социальные структуры и институты, посредством которых правовой дуализм формировался и поддерживался (крепостное право и крестьянская поземельная община), авторы связывают с преемственностью в России авторитарной конструкции власти и воспроизводством в общественном сознании (в том числе благодаря длительному существованию «советского права») «примитивных уравнилельно-распределительных представлений о справедливости».

Нам представляется, что, принимая предложенную А.Н. Медушевским теоретическую конструкцию, можно, обратившись к социокультурной интерпретации российской правовой традиции, дополнить и уточнить общее представление об устойчивости присущего ей дуализма применительно именно к переходному состоянию, переживаемому в настоящее время обществом.

В первую очередь, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что повышенную конфликтность, возникающую в правовой системе между позитивным правом континентального образца и не всегда совпадающими с ним массовыми представлениями о праве как универсальном инструменте реализации социальной справедливости, фиксируют исследователи посткоммунистического транзита и всех восточноевропейских стран. Но они склонны рассматривать это явление в контексте преимущественно той культуры, что была присуща возникшим в этих странах системам коммунистического типа. По замечанию, например, известного польского социолога П. Штомпки, «сформировавшийся более чем за полстолетия *homosovieticus* и функционально необходимый для новой системы *homoeconomicus* ориентируются на культурные образцы, полярно различные, противоположные друг другу. В культуре посткоммунистического общества появляется ярко выраженный дуализм еще сохраняющегося в течение какого-то времени наследия социализма и обретающей все большую популярность новой капиталистической и демократической культуры».

Переходный этап, особенно если перемены, происходящие в обществе, носят внезапный, сконцентрированный во времени и пространстве, радикальный характер, сопровождается ценностной дезориентацией значительных групп населения, для которых эти перемены означают отрицание прежней культуры, являющейся сосредоточением ценностей и убеждений, регулирующих их социальное поведение. В результате в обществе возникает ситуация, которую П. Штомпка описывает как глубокий ценностно-ориентированный кризис культуры: «Ценности теряют ценность, требуют неосуществимых целей, нормы предписывают непригодное поведение, жесты и слова обозначают нечто, отличное от прежних значений. Верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает, харизма терпит крах, идола рушатся».

В условиях резко изменяющихся правил и норм, требующих для своей эффективной реализации навыков и привычек, которые либо атрофировались, либо не сформировались за десятилетия господства прежних, теперь уже не действующих норм «социалистического права», массовое правосознание на какое-то время, условно говоря, «опускается по правовой лестнице», что означает возрождение правовых представлений, соответствующих уровню обыденного здравого смысла. Последний, если рассматривать его в категориях социальной психологии, может быть определен как частный случай социальных представлений – «разновидности практического мышления, направленного на общение, на понимание и освоение социального окружения, материального и идеального». Социальные представления в значительной мере, особенно в ситуациях, когда общество испытывает те или иные трансформации, как правило, структурируются вокруг «социокультурных организаторов», в роли которых выступают модели (вербализируемые через их конкретных носителей), основанные на идеализированных архетипических формах функционирования коллективов.

Следовательно, с точки зрения социальной психологии распространение в ходе процессов посткоммунистического транзита представлений о справедливости как распределительном равенстве, вступающих в естественный конфликт с насаждаемым, в том числе посредством правовых реформ, неравенством частной собственности и конкуренции на рынке труда и доходов, является закономерным процессом. В этом плане большинство стран Восточной и Центральной Европы, конечно, имели иную традицию, чем Россия, это, по всей видимости, сыграло немаловажную роль в том, что при всех издержках, свойственных их собственному посткоммунистическому транзиту, к настоящему времени можно фиксировать определенную стабилизацию в данном регионе общественных систем западноевропейского образца, включая и системы романо-германского континентального права. Поэтому, хотя правовой дуализм и не исчез полностью (в конце концов, и в странах

Западной Европы сохраняются, например в Италии и Испании, определённые рудименты обычного права), но приобрёл ограниченный, периферийный, локальный характер.

Сопоставление российского общества с другими посткоммунистическими обществами Европы позволяет, таким образом, предположить, что бóльшая устойчивость в нём правового дуализма связана, скорее, не с почти 70-летним опытом существования в рамках «советского права», а с московско-имперским опытом формирования и развития правовой традиции.

В этой связи нам представляется перспективным для осуществления одной из возможных теоретических интерпретаций своеобразия российской правовой традиции и российской правовой преемственности воспользоваться общей теорией традиции, разработанной выдающимся американским социологом и философом Э. Шилзом.

Двумя основаниями этой теории, возникшей в результате компаративистского изучения учёным традиций различных обществ Запада и Востока, стали связанные между собой положения: во-первых, об имманентно присущей традиции гетерогенности, об отсутствии в ней одной-единственной доминирующей содержательной составляющей (в каждый конкретный момент времени традиция «является амальгамой устойчивых элементов, приращений и инноваций»); во-вторых, о динамичном характере традиции, её пребывании в состоянии постоянной изменчивости, проистекающей из изменчивости самого творца традиции, – человека (традиция «содержит в себе потенциал изменения; побуждает человека изменять её. Это эндогенные изменения, изменения, которые возникают внутри традиции и осуществляются людьми, которые в ней живут»).

Таким образом, традиция, исторически формирующаяся у данного сообщества людей, целостна, но не едина, поскольку представляет собой культурное пространство непрерывного динамического социального взаимодействия индивидов. Целостность обеспечивается тем, что в ходе этого непрерывного взаимодействия вырабатывается единая ценностная система. На определённом этапе саморазвития данного сообщества такая система окончательно консолидируется и затем начинает самовоспроизводиться. Дальнейшее наполнение традиции происходит по принципу своеобразного «ценностного фильтра»: всё, что не совпадает с базовыми ценностями данного сообщества, либо в традицию не включается, либо подвергается своего рода «адаптационной обработке», позволяющей функционировать подобной новации только в той форме, тех пределах и в том режиме, которые не угрожают разрушению социокультурного центра, концентрирующегося вокруг, по определению Э. Шилза, «ценностного ядра (core) культуры».

Принципиально важным стало утверждение учёного о том, что ценностное ядро культуры данного сообщества не может быть радикально изменено без уничтожения (как

социокультурной исторической целостности) самого сообщества, поскольку это ядро имеет трансцендентный, сакральный, выходящий за пределы земного человеческого опыта характер. Оно располагается, утверждал Э. Шилз, «по ту сторону событий и установлений рутинного земного бытия» и в этом смысле противостоит постоянно меняющейся поосторонней земной социальности.

Если предположить, что понятие справедливости в российской правовой традиции имеет (в том числе и благодаря православию) действительно сакральный характер и является неотъемлемым компонентом ценностного ядра всей русской культуры, то можно сделать следующий логический вывод. Само понимание справедливости как метафизическое отрицание неравенства на всех этажах общественного устройства, безусловно, неразрывно связано с первичным коллективизмом социального бытия русского аграрного социума, но в специфических условиях формирования русского цивилизационного организма (в трактовке этих условий нам кажется обоснованной точка зрения А.Н. Медушевского) такое понимание обрело не бытийный, а трансцендентный характер, стало экзистенциальной сущностью правосознания и легло в глубинное основание историко-генетического воспроизведения – посредством правовой традиции – правового дуализма.

Заключение

Более того, пока чисто в порядке рабочей гипотезы нам кажется возможным высказать ещё одно предположение: в ходе эволюции российской правовой системы в период модернизации XVIII-XX вв. (включая и советский период) происходило не приспособление к позитивному праву обычного права, а, напротив, обычное право приспособляло, адаптировало под потребности своего собственного воспроизводства институты и нормы европейского континентального права. Но этот процесс заключался не только и не столько в присутствии в действующем законодательстве тех или иных опосредованных и видоизменённых заимствований из обычного права (в основном это имело распространение в период Российской империи), сколько в воспроизводстве в общественном сознании представления об «истинном праве» как земной реализации трансцендентной его сущности – справедливости.

Список литературы

1. Алексеев Н.Н. Основы философии права. - СПб. : Юрид. ин-т, 1998. - С. 48-49.
2. Алексеев С.С. Философия права. - М. : НОРМА, 1998. - С. 27-29.
3. Белл Д., Иноземцев В. Эпоха разобщённости: размышления о мире XXI века. - М. : Центр исслед. постиндустр. общества, 2007. – С. 79-81.

4. Кистяковский Б.А. Философия и социология права. - СПб. : РХГИ, 1999. – С. 107-109.
5. Медушевский А.Н. Правовой дуализм в России и попытка его преодоления: сравнительный анализ проекта Гражданского уложения Российской империи // Сравнительное конституционное обозрение. - 2005. - № 1 (50). - С. 183-193.
6. Нерсесянц В.С. Философия права. - М. : ИНФРА-М; НОРМА, 1997. – С. 38-40.
7. Новейший философский словарь. - 3-е изд. – Минск : Книжный Дом, 2003.
8. Основы конституционного строя России. Двадцать лет развития. - М. : Ин-т права и публичной политики, 2013.
9. Чичерин Б.Н. Философия права. - СПб. : Наука, 1998. – С. 10-12.
10. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. - М. : Логос, 2005. - С. 480, 475.

Рецензенты:

Вильданов У.С., д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой социальной работы ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа;

Зарипов А.Я., д.филос.н., профессор кафедры философии ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный авиационный технический университет», г. Уфа.